

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА ИЗ ЛИЗЬЕ

Тереза из Лизье умерла в конце прошлого века, в 1897 году, и была канонизирована в 1925, так быстро, что не были соблюдены даже положенные сроки. Пий X, начавший процесс о канонизации, предвидел, что она будет признана "величайшей святой Нового Времени". Пий XI, ее канонизировавший, назвал ее "звездой своего понтификата" и назвал "ураганом славы" всемирное движение, окружившее любовью и почитанием молодую кармелитку, умершую в 24 года и объявленную блаженной, когда, если бы она осталась в живых, ей было бы всего 50 лет.

Кроме того - и это может показаться парадоксом - он провозгласил Терезу, бывшую монахиней-затворницей, главной покровительницей всех миссий и всех миссионеров на земле.

В 1937 году кардинал Пачелли в качестве папского легата освятил посвященную ей церковь в Лизье и назвал Терезу "маленькой скинией Бога живого", ставшей "огромным храмом человечества, ею завоеванного". Впоследствии, став Папой, он провозгласил ее покровительницей Франции наряду со св. Жанной д'Арк.

В пятидесятилетнюю годовщину ее смерти, сразу же после второй мировой войны, урну с телом той, которую отныне называли "Терезой Французской", провезли по всей стране и везде она встречала восторженный прием.

Сотни тысяч экземпляров автобиографии, написанной маленькой Терезой Мартэн, разошлись по свету, а ее изображение за один только год - с 1915 до 1916 - было отпечатано в четырех миллионах экземпляров.

В годы двух мировых войн к ней прибегало за помощью и утешением множество людей на полях сражений и в концлагерях.

Ее называли "самой любимой девушкой на земле".

Уже до канонизации ей приписывали 4000 чудес. Она сама обещала: "Если мои желания будут исполнены, мое небо обратится на землю вплоть до конца света. Я хочу с неба делать добро на земле". И с удивительной простотой она предсказала: "Я знаю, что весь мир будет меня любить".

Что же произошло? Некоторые современные богословы и ученые пребывают в растерянности. Они спрашивают себя, не обязана ли Тереза своей славой недоразумению: кажется, что она неожиданно показала слишком легкий, улыбочивый, домашний путь к святости; кажется, что она одним ударом опрокинула древнее здание героической святости, невозможной для

простых верующих, ради повседневной святости, состоящей из мелочей и розовых лепестков, рассыпанных над Распятием или перед Святейшим Таинством, как когда-то рассыпали их дети во время процессии Тела Господня.

И многим показалось, что с ее приходом святость стала детской сказкой, которую можно рассказывать и взрослым, и рассказ получался убедительным и трогательным, как ее образок с распятием, покрытым букетом роз.

Потом мало-помалу кое-кто начал высказывать мнение, что образ этой святой был слишком лубочным и приукрашенным, чтобы ему можно было верить, и решил открыть "истинное лицо Терезы", подвергнув ее жизнь, ее характер и ее проповедь беспощадному социологическому и психологическому анализу. Наилучших результатов добились те, кто поставил своей целью с максимально возможной точностью восстановить все события ее жизни и ее духовное наследие, основываясь на духовных сочинениях, написанных молодой кармелиткой.

Но все это совершенно не затронуло инстинктивной любви к Терезе всего христианского народа, хотя и помогло лучше и глубже понять ее жизненный опыт и учение.

Как бы то ни было, Тереза затронула в сердце человечества нечто столь глубокое и сокровенное, что только этим можно объяснить, почему она стала святой настолько "универсальной": наряду со св. Франциском это единственная западная святая, почитаемая в восточных Церквях и даже за пределами христианского мира.

К ее образу обращались писатели и мыслители - для них она стала символом и ключом к прочтению их произведений: вспомним, например, о романах Бернаноса или о философии позднего Бергсона.

"Весть, которую эта святая принесла миру, - писал Бернанос, - это одна из вестей самых таинственных и насущных, которые он когда-либо получал. Мир умирает, потому что ему не хватает детства, и именно против него полубоги тоталитаризма нацелили свои пушки и танки".

И в наши дни недавно были сняты два кинофильма, свидетельствующие о позитивном отношении интеллигентов-агностиков к образу Терезы из Лизье: фильм Ольми "Легенда о святом пропойце" был снят по одноименному рассказу Иозефа Рота, написанному в 1939 году и свидетельствующему о глубоком проникновении в суть учения Терезы, не всегда доступного и богословам. В фильме "Тереза", снятом неверующим режиссером (А. Кавалье), образ Терезы трактуется как образ влюбленной библейской девушки из Песни Песней.

Начнем с простого рассказа о жизни Терезы Мартэн, в которой, как казалось многим, близко наблюдавшим ее, не было ничего удивительного.

Она была родом из зажиточной буржуазной семьи, и детство ее было счастливым: первые четыре с половиной года были исполнены радости: "она смеется и веселится с утра до вечера", - писала ее мать.

Она была четвертой из пяти дочерей семьи Мартэн и была девочкой чувствительной и радушной, нетерпеливой, но вместе с тем очень нежной и веселой. Однако если она умела быть нежной, то умела и настаивать на своем, если доводы других ее не убеждали: "Когда она скажет нет, - рассказывала ее мать, - ничто не заставит ее уступить. Можно посадить ее на целый день в погреб и все-таки не добиться, чтобы она сказала да; скорее она в нем переночует!".

Однако она вела себя всегда искренне и честно ("она не солгала бы за все золото мира") и, когда ошибалась, всегда страстно желала, чтобы ее немедленно простили.

Но главное - малышку связывали с Богом глубокие доверительные отношения. Это дар всех детей, воспитанных в подлинно христианской семье, но Тереза переживала эти отношения совершенно особым образом: впоследствии, став взрослой, она сказала, что никогда сознательно не говорила "нет" благому Богу с трехлетнего возраста.

Счастливое детство внезапно кончилось со смертью матери (она умерла от рака груди). Все подробности этой болезни неизгладимо запечатлелись в душе впечатлительной девочки, особенно тот день, когда она "долго" (по ее собственным словам) стояла перед гробом: "Я никогда еще не видала гроба, но тем не менее я понимала!".

С тех пор ее существование было овеяно грустью, несмотря на то, что семейная жизнь по-прежнему была исполнена нежности, веры и мира: Терезу воспитывали сестры (одну из них она особо избрала своей "второй матерью"), и она была очень привязана к отцу, добрейшему человеку ("Мой муж - святой человек, - писала ее мать, - я пожелала бы такого всем женщинам"), уже пожилому (когда родилась Тереза, ему было пятьдесят лет), исполненному отцовской и вместе с тем материнской нежности.

После смерти жены он жил в семье, управляя своим имуществом, посвящая много времени чтению и размышлениям, занимаясь своими любимыми занятиями - рыбной ловлей и садоводством.

Его борода была уже седой, и дочери ласково называли его "патриархом": их отец был для них на земле образом Бога Отца. "Я не могу выразить, как я любила папу, - говорит Тереза, - все в нем вызывало мое восхищение": именно благодаря ему девочка научилась любить природу; смотря, как он молится в церкви, она начала понимать, что такое молитва, и у него училась любить бедных и помогать им.

Тем не менее Тереза утратила свою былую живость, стала застенчивой, замкнутой, слишком ранимой и часто плакала. Этот грустный период (она говорит, что это "самое скорбное время ее жизни") продолжался почти девять лет: с одной стороны, она оставалась ребенком, все слишком баловали и ограждали ее от неприятных впечатлений, с другой стороны, она была уже зрелой личностью, склонной к рефлексии не по возрасту.

Когда ей едва исполнилось девять лет, сестра, которую она избрала себе "второй мамой", покинула ее, поступив в строго затворнический монастырь кармелиток в том же городе.

Тереза вновь переживала глубокую душевную скорбь (к тому же домашние совершили ошибку, решив скрыть от нее приготовления к отъезду), однако обрела непоколебимую уверенность в том, что и она призвана поступить в Кармель: ей достаточно было узнать, что это уединенное место, куда удаляются те, кто хочет искать Бога всем сердцем своим:

"Я почувствовала, что Кармель - это пустыня, куда по воле благого Бога я тоже должна укрыться. Я ощутила это с такой силой, что в моем сердце не осталось никакого сомнения".

И нужно уточнить, что это было призвание не только совершенно явное, но и лишненное всякой психологической двусмысленности.

Тереза предупреждает:

"Это не была мечта впечатлительной девочки, но уверенность в Божественном призвании: я хотела поступить в Кармель не из-за Полины (сестры), не для того, чтобы вновь обрести покойную маму, но (только ради Христа). Я передумала многое, чего нельзя выразить словами".

Она упрекает сестру-мать не в том, что та избрала Кармель, но в том, что "та не подождала ее".

В этом - тайна Терезы: это ребенок, которого ранит все, что ранит детей, но уже в детстве она самоотверженно предается Богу.

Как бы то ни было, она так страдала из-за разлуки, что заболела странной болезнью, во время которой в течение многих недель ощущала приступы необъяснимого ужаса. Она стала похожа "на идиотку" и без конца стонала. Однажды, когда она стонала, зовя: "Мария, Мария!", а сестры, сознавая свою беспомощность, молились Божьей Матери, она увидела, что статуя Божьей Матери, стоявшая у нее в комнате, ожила и улыбнулась ей. Внезапно она выздоровела, как будто пробудившись от долгого кошмара.

Сестры догадались о том, что что-то произошло, и все стали задавать ей столько вопросов и расспрашивать ее о таких мелких деталях (особенно тогда, когда она отправилась в монастырь), что Терезу охватил страх, не обманулась

ли она, не вообразила ли себе всего этого, не солгала ли, и благодать обратилась для нее в мучение.

Она была ребенком ранимым еще и потому, что ее ум и сердце, казалось, развивались слишком быстро, тогда как восприятие оставалось детским. В душе Терезы была тайна, которая уже многократно давала о себе знать, но еще не прорвалась через оболочку чрезмерно обостренной чувствительности.

Добрую тайну ее детства - которая впоследствии станет ее глубоким духовным опытом, а затем - сутью ее учения, - можно определить так: эта девочка была необычайно последовательна в том, что она утверждала и во что верила, и в выборе жизненного пути, как в сфере истин житейских, так и истин духовных.

Вот несколько тому примеров.

Когда совсем еще маленькой Терезе говорили о райском блаженстве, лаская мать, она желала ей умереть: "Как бы я хотела, чтобы ты умерла!". Когда ее бранили, она с удивлением извинялась, говоря: "Но ведь это же для того, чтобы ты пошла на небо, раз ты говоришь, что нужно умереть, чтобы попасть туда!". И своему отцу она тоже желала умереть, когда ею овладевал приступ "особо нежной любви". Когда ей говорили выбрать из корзинки те ленты, которые ей нравятся, чтобы играть с ними, ей казалось вполне естественным ответить, что она "выбирает все".

Когда ее папа с приставной лестницы говорил ей: "Отойди, малышка, потому что если я упаду, то раздавлю тебя", она прижималась к лестнице всем телом, думая, что "если папа умрет, ей не придется страдать, видя его смерть, потому что она умрет вместе с ним".

Когда ее папа во время вечерней прогулки показал ей созвездие, образующее на небесном своде букву Т, она решила, что Бог написал на небе ее имя.

Когда, готовя ее к исповеди в семилетнем возрасте, ей объясняли, что она расскажет о своих грехах не человеку, но благому Богу, она на полном серьезе спрашивала, "должна ли она сказать дону Дюселье, что любит его всем сердцем, если в его лице говорит с Господом". Когда ей сказали, что в аду все осужденные ненавидят Бога, она решила, что существование в месте, где Его никто не любит, слишком грустно, и пожелала туда попасть, чтобы даже там хоть кто-нибудь любил Бога.

Мы вспоминаем об этих эпизодах из ее раннего детства именно для того, чтобы показать ее зрелость даже в годы детства и ранней юности, несмотря на трудные и мучительные периоды взросления, и показать исходный опыт, который впоследствии, став взрослой, Тереза положила в основу своей сознательной проповеди и жизненного поведения.

В каком-то смысле все, чему Тереза впоследствии учила, уже как в маленькой притче содержалось в эпизоде, случившемся с нею в детстве, в трехлетнем возрасте.

О нем рассказывает ее мать в письме, написанной старшей дочери, в то время учившейся в колледже:

"Как-то на днях маленькая Тереза спросила меня, попадет ли она в рай. "Да, если ты будешь умницей", ответила я ей. - "Ах, мама!", ответила она тогда: "а если я не буду умницей, я попаду в ад? Но я знаю, что я тогда сделаю: я улечу с тобой, а ты будешь в раю; ты будешь крепко держать меня на руках...". В ее взгляде я прочла уверенность, что Бог ничего не сможет с ней поделать, если она спрячется в объятиях своей матери".

Итак, нужно лишь подождать, пока Тереза, взрослея, преодолеет некоторое расстояние, которое в глазах маленькой девочки еще существует между мамой и Самим Богом; ей нужно лишь на опыте познать, что Бог "любит нас больше нашей собственной матери": в сущности, это и есть та весть, которую она принесла миру.

Но возвратимся пока к трудному периоду ранней юности. В целом Тереза была уже зрелой личностью: когда она приняла первое причастие в возрасте 11 лет, та последовательность, о которой мы говорили, уже достигла невероятного мистического совершенства:

"Это был поцелуй любви: я чувствовала, что любима, и, в свою очередь, говорила: я люблю Тебя и приношу Тебе себя в дар навсегда... Уже давно Иисус и маленькая Тереза глядели друг на друга и друг друга понимали... В тот день это был уже не взгляд, но слияние; их уже не было двое: Тереза исчезла, как капля воды в океане, оставался только Иисус".

Она сразу же была миропомазана, и, поскольку ей объяснили, что Святой Дух дарует ей благодать свидетельствовать об Иисусе, она просила о благодати много пострадать ради любви к Нему: в этом тоже проявилась необычайная последовательность, если речь идет о том, чтобы свидетельствовать о Том, Кто пострадал и умер ради нас.

Когда Терезе сказали, что она должна подготовиться к первому Причастию, принеся в дар Иисусу много цветочков любви и считая их каждый день, она за месяц с небольшим насчитала их "тысячу девятьсот сорок девять": математическая точность, которая была в ходу в то время, может быть спорной с богословской точки зрения, но бесспорна серьезность, с которой Тереза ожидала первой встречи с Иисусом, желая хорошо подготовиться к этой встрече и свидетельствуя об этом делами любви.

Тем временем вторая ее сестра тоже поступила в Кармель (и, таким образом, ушла еще одна ее "мама"), а тринадцатилетней Терезе никак не удавалось освободиться от своих детских недостатков. К тому же ей довелось

выслушать несколько ошибочных проповедей (в то время во Франции был очень распространен янсенизм), и душу девочки охватила болезненная мнительность и страх.

Наконец в рождественскую ночь 1886 года с ней случилось "маленькое чудо" (это было в ту же ночь, когда П. Клодель обратился, войдя в Собор Парижской Богоматери): девочке Терезе было дано спасительное и очистительное откровение о детстве Иисуса, полностью исцелившее ее: Тереза вновь стала такой же, какой она была девятью годами раньше: безмятежной, доверчивой, нетерпеливой, веселой и предприимчивой: "С той благословенной ночи я уже не знала поражений ни в одном сражении, но переходила от победы к победе... Иисус преобразил меня так, что я сама себя уже не узнавала".

Время с 13 до 15 лет было "лучшими годами ее жизни", когда две сестры Мартэн, Тереза и Седина, испытали "все счастье, возможное на земле":

"Мой дух расширился... Я всегда любила все прекрасное и великое... В то время во мне преобладала безграничная жажда знания".

Это были желания, имевшие вполне определенное направление, согласно точному плану, той "последовательности", о которой мы не раз говорили.

Однажды Тереза увидела среди страниц своего молитвенника часть изображения Распятого - руку, пригвожденную к кресту, с которой падали на землю капли крови:

"Меня поразили вид крови, текшей из Божественной руки, и я испытала великую скорбь при мысли о том, что она падает на землю, но никто не собирает ее!".

Так она поняла, где ее место в жизни: она должна стоять у подножия креста, чтобы собирать кровь Искупителя и раздавать ее всем, кого эта кровь может очистить:

"Я почувствовала, что в мое сердце вошла любовь и потребность забыть о себе самой", ибо тот, кто раздает кровь Христову, должен в свою очередь принести всего себя в жертву.

Она сразу же взялась за дело.

В Париже были зверски убиты две женщины и девочка. По обвинению в убийстве был арестован некий Энрико Пранцини, тридцатилетний итальянец: высокий, красивый, высокомерный авантюрист. В ходе всего судебного разбирательства он нагло отрицал свою вину, и в газетах его называли "свирепым негодяем", "чудовищем" "подлым зверем". После вынесения ему смертного приговора он отказывался раскаяться и отвергал всякое духовное утешение.

Узнав об этом, Тереза избрала его "своим грешником", неустанно молилась о нем, приносила жертвы, заказывала Литургии, надеясь обратить его.

"В глубине души, - писала она, - я была уверена, что буду услышана. Но, чтобы поощрить себя самое в дальнейшей ревности о спасении душ, я обратилась к Богу с такой наивной молитвой: "Господи, я уверена, что Ты простишь несчастному Пранцини. Я буду этому верить даже в том случае, если он не захочет исповедоваться и не обнаружит ничем своего раскаяния, до того доверяю я Твоему милосердию. Но это мой первый грешник. Поэтому я прошу Тебя: дай мне только знаком понять, что он раскаялся, просто так, для моего утешения!"".

На следующий день она прочла в газете, что Пранцини взошел на эшафот, высокомерно отказавшись от исповеди, но в последний момент вдруг схватил распятие, которое ему протянул священник, и трижды поцеловал его.

Пятнадцатилетняя Тереза назвала его "своим первым сыном" и с тех пор решила "любить Иисуса, любить Его страстно": любовь и страдание были для нее отныне связаны неразрывно.

Ее решение поступить в Кармель, чтобы посвятить там всю свою жизнь молитве за грешников, отныне стало окончательным, но ей было только пятнадцать лет и препятствия казались почти непреодолимыми.

Но, по ее словам, "Божественный призыв был столь неотложным, что даже если бы ей пришлось пройти сквозь огонь, она бы это сделала".

Сперва она убедила в своем призвании отца. Хотя сердце его разрывалось, он сказал ей, что "Бог оказывает ему великую честь, требуя от него его дочерей"; потом она попыталась убедить местного настоятеля ордена, потом - самого епископа, который должен был принять решение.

Не достигнув цели, она решила дойти до Папы и поехать вместе с паломниками из своей епархии в Рим. Паломников было человек двести и во главе их стоял генеральный викарий епархии: для того времени это было целое событие, привлекавшее внимание как французской, так и итальянской печати: специальный поезд, на котором ехали паломники, ждали и встречали во всех главных городах Италии (кроме того, это было туристское путешествие, организованное на самом высшем уровне).

Итак, Тереза посетила Париж, Милан, Венецию, Падую, Болонью (в Болонье толпа студентов университета весело окружила поезд на вокзале, а один из них попытался было увести с собой под руку самую красивую француженку, но Тереза бросила на него такой взгляд, что тот немедленно ее оставил и смущенно удалился). Наконец поезд прибыл в Лорето, а затем - в Рим (Флоренцию, Пизу и Геную паломники посетили на обратном пути).

В Вечном городе кульминационным моментом путешествия была аудиенция, во время которой все паломники должны были пройти перед

Папой и каждый из них - получить его благословение. Их настоятельно предупреждали не утомлять старого и больного Папу и проходить перед ним в молчании. Последней к нему подошла Тереза, которая решительно нарушила запрет. Впоследствии она писала: "Добрый Папа так стар, что его можно было бы назвать мертвым. Он почти ничего не в силах сказать...".

Викарий епископа Байе, удивленный и недовольный, сразу вмешался: "Святейший Отец, это дитя жаждет быть принятой в Кармель, но настоятели в данное время рассматривают этот вопрос".

Папа мог дать только один ответ: "Ну что же, дитя мое, поступи так, как решат настоятели".

Тереза сделала последнюю попытку: "О, Святейший Отец, если бы Вы сказали да, все были бы согласны!".

Папа пристально посмотрел на нее и четко и проникновенно произнес: "Хорошо... Хорошо... Ты поступишь в монастырь, если это угодно Богу". Тереза писала, что он смотрел на нее пристальным, пронизывающим взором, который навсегда запечатлелся в ее душе. Она пыталась продолжить беседу, но два телохранителя предложили ей встать; видя, что этого недостаточно, они взяли ее за руки, приподняли и всю в слезах силой увели прочь. Когда ее поднимали, Папа дал ей поцеловать свою руку и благословил ее.

Это событие показалось всем столь необычным, что отголоски его можно найти и во французской прессе, которая издавала следила за паломничеством.

Но формально никакого разрешения не было дано, и долгое путешествие казалось напрасным. Однако в жизни Терезы оно имело решающее значение: до него она видела священников только в алтаре или в исповедальне, а тут ей представился случай познакомиться со многими из них и наблюдать их поведение в повседневной жизни (среди паломников было 75 духовных лиц).

Нам точно неизвестно, что произошло (известно только то, что молодой французский священник - викарий собора Святого Петра - привлек внимание всех паломников своими "нежными заботами" о молодых сестрах Мартэн), но Тереза вернулась на родину в убеждении, что молиться за души священников - одна из самых насущных обязанностей всех, кто любит Церковь. "Я поняла свое призвание в Италии", - скажет она впоследствии. А на собеседовании, которое предшествовало принесению обетов, она так объяснила свое призвание в Кармеле: "Я пришла, чтобы спасти души и прежде всего чтобы молиться за священников".

В противоположность тому, чего можно было бы ожидать, в порядке исключения было разрешено принять в монастырь пятнадцатилетнюю девушку. Местный настоятель ордена, раздосадованный такой просьбой, против своей воли сказал монахиням пророческие слова: "Можно подумать, что от пятнадцатилетнего ребенка зависит чуть ли не спасение этой общины!",

а, принеся им разрешение епископа, недовольно сказал: "Что ж, досточтимые сестры, наконец-то вы можете петь Те Деум. От имени епископа я представляю вам этого пятнадцатилетнего ребенка, поступления которого вы желали. Надеюсь, что он не обманет ваших ожиданий, но напоминаю вам, что в противном случае ответственность ляжет только на вас!".

Как нарочно, когда епископ прибыл на входную церемонию, он по ошибке вместо того, чтобы запеть гимн, призывая на помощь Святого Духа, начал петь благодарственный гимн Те Деум, к великому удовольствию общины. Так "ребенок" оказался в монастыре - монастыре строгой жизни, отягощенной вдобавок немаловажными проблемами.

В Лизье мистическая красота и великодушие, которые должны были бы царить на Кармеле, отчасти утратили свой блеск: в духовном воспитании сестер наметился крен в сторону преувеличенного морализма и аскетизма с янсенистской окраской и ошибочным представлением о Боге как о Судии, Которого надлежит умилоствовать неустанными молитвами и жертвами.

К этому надо добавить, что монастырская община была бедна человеческими и интеллектуальными дарованиями (сестры Мартэн были в ней белыми воронами), кроме того, настоятельницей была женщина умная, но своевластная, готовая навязать как волю Божию любую свою прихоть и свои изменчивые настроения. Не было, наконец, недостатка в злоупотреблениях и в борьбе за власть, особенно тогда, когда приближалось время выборов на монастырские должности. В городе говорили, что в этом монастыре Тереза станет талисманом для общины и что именно поэтому ее взяли, несмотря на юный возраст. Если это действительно было так, Тереза прекрасно отдавала себе в этом отчет.

Ничего неожиданного для себя она в монастыре не нашла: еще будучи в миру, она догадалась о многом:

"Иллюзии первых дней... Бог даровал мне милость: у меня их не было. Я нашла жизнь в монастыре точно такой, какой я ее себе представляла: ни одна жертва не удивляла меня...". Однако только Богу известно, сколько тягот выпало на ее долю.

Это позволило ей во всей полноте вкушать благодать, чувствуя, что ее приняли туда, куда пожелал привести ее Бог: "С какой глубокой радостью я повторяла эти слова: "навсегда, я здесь навсегда!"".

Первой ее обязанностью был долг перед сестрами по крови: она любила их всем сердцем, но не желала, чтобы к ней относились как к младшей сестричке, окружая ее особыми заботами и давая ей поблажки: "Мы больше не у себя дома", - повторяла она им и не делала ни одного движения, ни говорила ни слова сверх того, что по Уставу было позволено всем. Если она и должна была оставаться ребенком, она хотела оставаться им только для Бога, не для того, чтобы выражать свою привязанность к творениям. Настоятельница, несмотря

на все свои недостатки, довольно проникательная, говорила о ней, что "ее зрелость под стать тридцатилетней монахине".

Бог, со Своей стороны, особо опекал маленькую Терезу, которая Ему доверилась: первое время ее монастырской жизни было неизгладимо отмечено скорбью, очистившей ее сверх всякой меры, - тяжелой болезнью отца, болезнью унижительной, унижающей, как казалось, даже его дочерей. Глазами, полными скорби, смотрела на него Тереза сквозь решетку во время теперь уже редких посещений в комнате для свиданий: из-за тяжелой формы артериосклероза и сильных приступов уремии он походил на бедного безумца, делающего странные жесты, похожие на неясные пророчества. Наконец пришлось поместить его в сумасшедший дом: для него началось грустное затворничество, а сестер Мартэн стали называть "дочерьми сумасшедшего": такой шопоток они слышали даже в монастыре, и эти слова были гораздо более жестокими, чем это казалось тем, кто их произносил.

Тереза писала: "Как досточтимый лик Христа был омрачен во время Страстей, так лик Его слуги должен был омрачиться в дни его скорби".

Иногда ее папа закрывал лицо, как будто сознавая свое унижение, и Тереза созерцала в нем тайну Святого Лика Христа, в Котором, по словам Исайи, "не было ни вида, ни величия".

Однажды она сказала больному отцу: "Я постараюсь быть твоей славой, став великой святой", а изумленным сестрам: "На небе единый волос из его седины осветит нас!".

Все имущество отцовского дома, где отныне никого не осталось, было продано: исчезли и самые дорогие воспоминания. Только две вещи попали в Кармель: домашние часы, которые отныне на хорах били начало долгих медитаций, и кресло на колесиках, которое принадлежало больному отцу и служило Терезе в последние месяцы ее жизни.

Итак, в Кармеле Тереза "малая" жила двумя тайнами: детством Иисуса (требующим послушания и простого, доверчивого предания себя Богу) и Его страстями (требующими сопричастности и жертвы). Поэтому она попросила позволения называться сестрой Терезой Младенца Иисуса и Святого Лика. Прежде всего Детство. Речь шла о том, чтобы "читать Евангелие взыскательными глазами ребенка", пока сама Тереза не стала "живым учением", "словом Божиим" для нашего времени.

Итак, прежде всего Тереза приняла всерьез тайну детства Иисуса: Иисус - это воплощенное Слово Божье, но в латинском языке "ребенок" этимологически значит "не умеющий говорить".

Следовательно, в начале нашей веры лежит великая тайна: Бог стал ребенком, не умеющим говорить, возложив на нас, взрослых, обязанность заботиться о Нем, поэтому все мы должны учиться у Его Матери Марии.

Как хорошо известно всем матерям, когда в доме появляется ребенок, это возлагает на окружающих новые обязанности: ребенок спит, и нужно соблюдать тишину; ребенок играет, и его игра - это серьезный труд, которые нужно ему облегчить и который нужно охранять; ребенок плачет и нуждается в утешении; ребенку необходимо все внимание взрослого человека.

Г. У. фон Бальтазар писал: "Спать и играть - вот два занятия Слова (то есть Слова Божьего, ставшего ребенком), очаровывающие Терезу из Лизье. Подобно истинной матери, она неизменно изумлялась Ребенку и воспринимала свои отношения с Ним очень естественно и конкретно". Тереза разрешала все проблемы, возникающие у нас, взрослых людей, когда мы думаем о Боге Всемогущем (и требуем от него очень много и претендуем на то, чтобы Он нас принял, выслушал, исполнил наши просьбы, помог нам), - итак, Тереза разрешала все проблемы радикальным образом, созерцая тайну детства Иисуса: она предлагала себя Ему как игрушку, не драгоценную игрушку, к которой дети чуть ли не боятся прикоснуться, но как игрушку самую обыкновенную, любимую, которую они могут взять и отбросить, прижать к сердцу или оттолкнуть ногой, а потом в беспокойстве искать. Поэтому когда Тереза страдает, она страдает потому, что Младенец Иисус забывает о Своей игрушке, или вдруг отбрасывает, или ломает ее, чтобы посмотреть, что у нее внутри, и кто может сказать ему: "Почему Ты так делаешь?". Игрушка принадлежит Ему. Младенец Иисус, Которому посвятила себя Тереза, играет в мячик (и часто далеко отбрасывает его), играет в волчок (и часто подстегивает волчок веревкой, чтобы он быстрее крутился), играет в кегли (целится в них и их сбивает), но потом, закончив игру, собирает все свои игрушки и прижимает их к сердцу.

Часто Младенец Иисус "спит", и тогда нужно хранить молчание, чтобы не мешать Ему: "Когда Иисус засыпает, многие здесь, на земле, перестают служить Ему и в Него верить", - объясняет святая.

Образы, которыми она пользуется, рассказывая о своей жизни, взяты из сказочного, привычного и безмятежного мира детства; но те, кому приходится иметь дело с детьми (особенно матери), хорошо знают, сколь этот мир в то же время серьезен и требователен.

Преклоняясь перед святым детством Иисуса, Тереза несет ежедневный труд, стараясь остаться ребенком.

Однажды она объяснила свою духовную программу следующим образом:

"Оставаться детьми перед Богом значит признать свое собственное ничтожество, ожидать всего от благого Бога, как ребенок ожидает всего от отца. Не стремиться изменить свое состояние по мере возрастания... значит никогда не приписывать самим себе свои добрые дела... и никогда не впадать в отчаяние из-за своих прегрешений, потому что дети часто падают, но они слишком малы, чтобы сильно ушибиться".

Отвлекаясь от образов, можно сказать, что речь идет от отказа от восприятия христианской жизни как ряда важных обязанностей и драматических ситуаций (что ведет к разочарованию, если нам кажется, что нас не оценили по достоинству, или, наоборот, к комплексу неполноценности, если мы сами оказались не на высоте); речь идет о том, чтобы радостно и добровольно "предаться Богу, подобно ребенку, без страха засыпающему на руках у отца".

Предаться без страха значит признать, что все основано на сознании нашей принадлежности Богу, на уверенности в том, что Он - наш Отец.

Так люди учатся не рассчитывать на свои собственные дела, свои собственные способности, свои собственные усилия, свои собственные заслуги. "Спящий ребенок" - для христианской жизни ключевой образ: он должен лишить нас всякой надежды достичь спасения в одиночку, всякой уверенности в наших силах, всякого фарисейства, всякого духовного расчета и самолюбования.

Положительный, "активный" аспект этого образа заключается, напротив, в том, что имеет значение только любовь, с которой человек предает себя Богу, но если эта любовь подлинная, для того, чтобы выразить любовь, можно использовать все, и с этой точки зрения все бесконечно важно.

Для того, чтобы выразить свою любовь к матери, ребенок может подарить ей одну из своих игрушек. Конечно, матери игрушка не нужна, к тому же купила ее ему она сама, но она все равно тронута и принимает ее со всей серьезностью.

У нас есть тысяча разных способов, чтобы сделать то же самое по отношению к Богу: делая Ему тысячу маленьких подарков, мы можем вернуть Ему то, что Он нам дал, и Он принимает наши подарки, придавая им новую ценность, - так устанавливаются отношения взаимной любви, которая длится всю жизнь.

Поэтому в жизни Терезы все стало необычайно серьезным и исполненным нежности, когда на карту была поставлена любовь: терпеливо выносить докучный шум, производимый одной из сестер во время молитвы незаметно для нее самой; не жаловаться, когда невнимательная соседка брызгает ей в лицо грязной водой во время стирки; безропотно питаться остатками пищи, которые ей подают, потому что никто больше не хочет их есть; никогда не показывать, что мерзнешь, потому что нельзя быть малодушными перед Тем, Кого любишь; преданно и радостно повиноваться, даже тогда, когда инстинктивно хочется возразить; обращаться так ласково с крайне неприятной сестрой, что ей кажется, будто она особенно любима; складывать мантии, забытые другими сестрами, - короче говоря, "не упускать ни одной маленькой жертвы, взгляда, слова, пользуясь каждой мелочью и делая ее с любовью".

Бесчисленное множество мелочей - повседневных и на протяжении всей жизни, - разрушающих человека, когда они вызывают ярость и слепую покорность, и греющих сердце даже тех, кто этого не замечает, если их делать ради любви и с любовью. Так можно искупить даже свои собственные слабости, непоследовательность, мелкие прегрешения.

Тереза принимает даже их, не потому, что о них не заботится (напротив, они огорчают ее, как ребенка огорчает его собственная беспомощность), но потому, что она неизменно ощущает себя маленькой, нуждающейся в помощи, в прощении, в благодати.

Именно эта весть, принесенная Терезой, излечила Церковь ее времени от последних симптомов янсенизма: чтобы сделать людей добродетельными, нельзя только учить их бояться кары Божьей, наоборот, нужно, чтобы они изумлялись любви, превышающей все их заслуги.

Во времена Терезы некоторые героические души имели обыкновение приносить себя в жертву "Божественной Праведности, чтобы навлечь на себя все кары, уготованные грешникам". Более того, это посвящение считалось на Кармеле вершиной духовности.

В 22 года Тереза попросила у своей настоятельницы разрешения принести себя в жертву Милосердной Любви Божьей - любви, по ее словам, "в тысячу раз более требовательной, чем праведность".

Она сама сочинила формулу посвящения:

"Боже Мой! Я желаю любить Тебя и внушать к Тебе любовь..., но чувствую свое бессилие и прошу Тебя быть моей святостью.

В знак совершенной любви я приношу себя в жертву всесожжения Твоей милосердной любви и молю Тебя сжечь меня до конца..., чтобы я стала мученицей Твоей любви, о Боже мой!".

Тереза убеждена, что когда Бог находит души, открывшиеся Его любви. Он быстро сжигает их огнем опаляющим.

Парадоксальным образом все это, однако, не означает, что Тереза испытывала светлые и радостные переживания. Более того, ее обычным состоянием было состояние духовной сухости: она была счастлива, но только потому, что любила Бога и знала, что она любима, хотя не испытывала при этом никакой радости.

Тем временем жизнь в монастыре текла по-прежнему, внутренне прекрасная и внешне убогая: настоятельница любой ценой стремилась сохранить за собой свой пост и досадовала, когда на него избрали сестру Терезы (которую та когда-то назвала своей матерью), а Тереза так и оставалась вечной послушницей, хотя ей поручили наставлять послушниц, только что поступивших в монастырь. Одна старая монахиня, которой она помогала в

ризнице, называла ее сестрой "Да будет так", потому что она всегда со всем соглашалась. Однако все знали, что в случае необходимости она умела быть твердой.

В 23 года Тереза заболела чахоткой: когда в ночь со Страстного четверга на пятницу волна крови поднялась к ее губам, она вытерла губы, поняв, что это весть о смерти, но принесла Богу жертву, решив не зажигать лампу, чтобы посмотреть, что с ней случилось. Она дождалась зари, и в Страстную пятницу принесла себя в жертву, решив разделить с Христом Его страсти. Так она вошла во мрак Гефсиманского сада, где началось ее борение:

"Иисус попустил, чтобы моя душа была охвачена глубочайшей мглой и чтобы мысль о небе, для меня столь сладкая, была лишь источником борьбы и муки...

". Ей казалось, что она - среди грешников, неверующих, в особенности среди тех, кто утратил веру по своей собственной вине, употребив во зло благодать Божью, и что она слышит хор насмешливых голосов, возвещающих ей, что надо всем царит ничто, пустота. Ей казалось, что она сидит "за столом грешников", где и должна оставаться: "Господи, Твоя маленькая дочь просит у Тебя прощения за своих братьев; она согласна есть хлеб скорби, пока Тебе это угодно, и действительно не хочет встать из-за этого стола, за которым сидят грешники, прежде чем настанет день, Тобой указанный... Господи! Отошли нас оправданными...

". Ее согласие сидеть "за столом бесчестья", чтобы и там был кто-нибудь, кто любит Бога, тесно связано с событиями, происходившими в то время во Франции. Сегодня мы знаем, что ощущение Терезы, будто она находится вместе с грешниками и безбожниками, имело под собой совершенно реальную основу: в силу странного стечения обстоятельств, о которых здесь было бы слишком долго рассказывать, в последние месяцы своей жизни Тереза, к ее глубокой скорби и ужасу, была лично вовлечена в громкий скандал, устроенный некоторыми антиклерикалами и масонами в те годы против Церкви. Они использовали даже одну из ее фотографий. Кроме того, она страдала потому, что провинциал ордена кармелитов, отец Гиацинт Луазон, величайший проповедник своего времени, стал расстригой: он был лишен сана, женился, стал основателем христианской секты и был отлучен. За него Тереза приняла свое последнее Причастие.

Она ясно сознавала, что происходит в мире, в котором сциентизм вел яростное наступление на веру, и ощутила его дьявольское очарование. Она говорила сестре:

"Если бы ты знала, какие ужасные мысли меня терзают! Молись за меня неустанно, чтобы я не слушала дьявола, который хочет, чтобы я поверила его лживым наветам. В мой ум проникают суждения самых отъявленных материалистов: мысль о том, что в будущем, благодаря постепенному прогрессу, наука найдет естественное объяснение всему и мы узнаем

конечную причину всего сущего, а пока это загадка только потому, что нужно открыть еще много нового... О, мамочка, как можно питать такие мысли, когда так любишь благого Бога! Но я приношу в жертву эти жестокие страдания, чтобы уверовали бедные неверующие, ради всех, кто удалился от церковного вероучения".

Итак, Тереза согласилась погрузиться в тот мрак, который в Страстную пятницу сошел на всю землю:

"Я вижу стену, поднимающуюся до неба... Все исчезло... Я верую, потому что хочу верить".

И она носила на сердце Символ веры, написанный на листе бумаги ее собственной кровью.

Тем временем, повинаясь приказу своей настоятельницы, она дописывала - трудно поверить! - свою автобиографию, рассказывая о своем духовном пути к полному пониманию того, что есть истинная милосердная любовь. В своей книге она повествует нам о том, как она окончательно открыла смысл своего призвания на Кармеле.

Она повествует о великих и многообразных желаниях, которые всегда волновали ей душу, вплоть до того дня, когда она осознала, что Церковь - это Тело, в котором все члены - и у каждого из них своя роль - действуют на благо всего целого, но вместе с тем она с невыразимой радостью поняла, что Церковь должна иметь и сердце и что ее призвание - быть в этом сердце, питающем и поддерживающем "все призвания": "В сердце Церкви, моей Матери, я буду любовью".

Тем временем болезнь необратимо развивалась: сестры, ухаживавшие за Терезой, стали обращаться с ней как с ребенком (хотя первые признавали ее духовную зрелость и превосходство), и она смиренно принимала их заботы, зная, что ей предстоит последнее, самое трудное испытание: свидетельствовать об истине своего учения о "пути малых душ", пройдя тяжкий путь страдания и смерти.

Ребенку не нужно учиться, чтобы родиться, но взрослый человек, желающий остаться ребенком перед Богом, должен научиться умирать, как будто рождаясь вновь.

Иногда Терезу охватывало беспокойство: "Каково мне будет умирать?", "я никогда не научусь умирать!". Она чувствовала, что испытание будет страшным: тело ее было изнурено болезнью, ее мучила невыносимая боль, но настоятельница решила, что давать кармелитке морфий не обязательно. Ее легкие были совершенно разрушены и дыхание сильно затруднено (кислородной подушки тогда еще не существовало). Ее тело даже физически стало меньше (когда его укладывали в гроб, медсестры сказали, что оно

кажется телом двенадцатилетней девочки), а дышала она с трудом, как ребенок, только что появившийся на свет. Она была охвачена страхом:

"Если бы вы знали, какая это мука, когда не можешь дышать!". "Если я буду задыхаться, - говорит она, - благой Бог даст мне силы". "Каждый вздох - это боль сильная, но все же не настолько, чтобы я кричала".

Смотря на образ Девы Марии, она восклицала:

"Пресвятая Дева, ты знаешь, что я задыхаюсь!"; "Земного воздуха мне уже не хватает. Когда же я вдохну небесного?".

В последние месяцы жизни ее страдания все возрастали, как море, затопяющее ее со всех сторон, и требовали от нее доверчиво и безраздельно, как больной ребенок, предаться окружающим:

- Я забыла о самой себе, я не ищу себя ни в чем".

"- Я живу только страданием в настоящий момент".

"- Детей нельзя проклясть. Малых будут судить необычайно мягко. И вполне можно оставаться детьми, даже занимая высокие посты, даже живя очень долго. Если бы я прожила до 80 лет, я ясно чувствую, что осталась бы совсем маленькой, как сейчас".

Тем, кто спрашивал ее, невыносимы ли ее страдания, она отвечала:

"Нет, я еще могу сказать благому Богу, что люблю Его, и нахожу, что этого достаточно".

"Сегодня ночью мои силы иссякли: я попросила Пресвятую Деву взять мою голову в свои руки, чтобы перенести боль".

О своих страданиях она говорила: "Я люблю все, что посылает мне благой Бог". Когда кто-нибудь хвалил ее терпение, она возражала, как будто ее не понимали:

"Терпения у меня еще не было ни на минуту. Дело не в моем терпении... Люди вечно ошибаются!".

Детский мир с его образами былых времен оставался близок ей, хотя она невыразимо страдала. Она рассказывала сестрам:

"В первый раз, когда мне дали в лазарете немного винограда, я сказала Младенцу Иисусу: "Как сладок виноград! Знаешь, я не понимаю, почему Ты медлишь придти за мной. Смотри - я тоже гроздь винограда, и все говорят, что такая зрелая!".

Однажды сестра, которая ухаживала за Терезой, сказала другой сестре, думая, что она спит: "Она очень устала". Тереза услышала эти слова, а потом рассказывала:

"Я думала про себя: это чистая правда! это так и есть. Да, я подобна усталому, измученному путнику, который, достигнув цели своего пути, бросается на землю. Но я бросаюсь в объятия благого Бога".

Именно так с ней и случилось. Ее агония была долгой и мучительной. Ее сестра рассказывала: "Ужасный хрип раздирал ей грудь. Ее лицо налилось кровью, руки посинели, ноги были холодны, как лед; она дрожала всем телом".

Это продолжалось несколько часов. К вечеру она повернулась к настоятельнице и сказала ей:

"Магушка, ведь это уже агония?... Ведь я уже умираю?".

Настоятельница ответила ей, что это уже агония, но что благой Бог может еще продлить ее.

Она ответила: "Тогда... пусть... пусть... О! Я не хотела бы, чтобы сократилось время страданий...".

Потом, глядя на свое распятие, она сказала: "Я люблю Его! Боже мой, я Тебя люблю!".

Ее голова откинулась назад, взгляд, исполненный невыразимого счастья, остановился немного выше статуи Пресвятой Девы Марии. Этот взгляд длился примерно столько, сколько нужно, чтобы прочесть одно Верую. Потом ее душа отлетела на небо. Мир получил свою "маленькую святую".

В июне 1980 года, когда Иоанн Павел II совершил паломничество в Лизье, он сказал:

"Возблагодарим св. Терезу из Лизье. Возблагодарим ее за простую и чистую красоту, которая в ней явилась Церкви и миру. Эта красота очаровывает нас, даже если мы знаем, что путь к ней был труден и полон страданий... Но прекрасное существует потому, что очаровывает нас трудом. Самым важным трудом, благодаря которому человек познает тайну своего человеческого естества".

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/page06.htm#8

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/